

ИСТОК

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

Владимир Дмитриевич Михайлов

Открытие Америки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181285

Исток: АСТ; Москва; 2003

ISBN 5-17-017278-8

Аннотация

Признанный мастер отечественной фантастики...

Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» – и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, – и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад...

Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове.

Не верите?

Прочитайте – и убедитесь сами!

Содержание

Действующие лица	4
Картина первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Михайлов

Открытие Америки

Сцены для чтения

Действующие лица

Христофор Колумб (Кристобаль Колон), поэт

Графиня Амелия Мендоса-и-Фуэгос

Хуана, подруга Колумба

Чернобородый

Монах

Погонщик мулов

Инквизитор

Ассистент инквизитора

Секретарь инквизитора

Председатель суда

1-й член суда

2-й член суда

1-й матрос

2-й матрос

3-й матрос

4-й матрос

Матрос с фрегата

Хозяин кабачка

Матросы Колумба, матросы с фрегата, люди Святого братства

Испания, 1492 год

Картина первая

Кабачок: невысокий, слабо освещенный зал со стойкой и несколькими столиками, за которыми сидят немногочисленные посетители – Чернобородый, просмоленный мужчина во цвете лет; погонщик мулов; Колумб со своей подругой Хуаной; монах. Хозяин за стойкой. Временами в очаге ярко вспыхивает пламя, когда с жарящегося мяса стекает жир; может быть, поэтому Колумб (он пишет) устроился поближе к очагу.

Колумб. Отвратительные чернила! Сеньор хозяин! Вы, верно, и вино разбавляете до такой степени?

Чернобородый. Всякому свое. Кто не может пить вино, пьет чернила.

Хозяин, подойдя, в сердцах ставит на стол бутылку и два стакана.

Колумб. Этого я не заказывал.

Хозяин (угрюмо). Вы оскорбили меня подозрением, сеньор. Убедитесь, что я не разбавляю.

Погонщик. А зачем сеньор записывает? Тут для этого не место: мало ли что человек скажет под настроение. Пускай кто-нибудь прочитает, что он там написал. Кто-нибудь знает

грамоту?

Монах, перегнувшись со своего конца стола, берет бумагу и пробегает ее глазами.

Монах (запинаясь на каждом слове). Мы не видим. Дальше...

Колумб (вырывает бумагу). Не так! Я прочту сам.

Гордо выпрямляется, читает с выражением.

Мы не видим дальше, чем на милю,
Мы привыкли мерить все на пядь.
Южный Крест! Хочу венцом усилий
На тебе мой дух на миг распять.
И увидеть, как средь зыбких линий,

Волны величаво разделя,
Возникает новою богиней
Странная, нежданная земля.

Золото горит в лучах заката,
Серебро рассыпано в пыли...
Южный Крест! Мы сами виноваты,
Что к тебе дороги не нашли.

Погонщик. Свят, свят. Не вызывает ли он бесов?

Монах. Нет, сын мой, это стихи. Сеньор, верно, поэт.

Погонщик. Что такое – поэт? Уж не еретик ли?

Монах. Разумеется, поэт всегда немного еретик. Стоило бы разобраться, кто внушил ему то, что он пишет.

Хуана. Лучше уйдем, Кристо. Монах накликает беду.

Колумб. Нет, это добрый монах, я вижу по его физиономии. Кто внушает поэту? Не знаю. Я вовсе не собирался заходить сюда. Но вдруг как-то сразу понял, что где-то далеко лежат обширные новые земли. Прямо-таки увидел их. Вот и поторопился записать. Так у поэтов возникают стихи.

Погонщик. Поэт – это ясновидец, что ли?

Чернобородый (берет бумагу и читает про себя, шевеля губами). Нет, скорее блаженный. Ну, вроде одержимый.

Погонщик. Господь и его ангелы! А вы, земляк, умеете читать?

Чернобородый. Так, с пятого на десятое, большими буквами, какими пишут названия кораблей на корме. Иначе спяну поплывешь совсем в другую сторону и плакали заработанные денежки. А так вот покрывать бумагу словами – это ничего не стоит.

Колумб (гневно). Что, говорит он, стоит слово?

Хуана. Не надо, Кристо, не связывайся. Уйдем лучше.

Колумб. Нет. Я хочу, чтобы мне сказали: что стоит слово? И не уйду, куда мне не ответят.

Чернобородый. Дешевле, чем молчание. Слово – серебро, молчание – золото, это всем известно.

Погонщик. Смотря чье слово. Если слово дано в присут-

ствии судьбы и тот, кто дал слово, может дать еще и залог в обеспечение...

Колумб. Болван! Кто говорит о таких словах? Я говорю о подлинном, вдохновенном!

Чернобородый. Болван – вот о каком слове он говорит. Это слово может и впрямь обойтись дорого: врачи немало берут за свое искусство.

Погонщик. А костоправу тут будет над чем потрудиться! (Засучивает рукава.) А ну, выходи! Я даже от идальго не снес бы такого, не то что от оборванца!

Колумб (также готовясь к драке). Сам ты оборванец, ослиный прихвостень! У тебя уши в лохмотьях!

Погонщик. Ну а своих ты сейчас и вовсе лишишься, будь ты хоть трижды юродивый!

Хуана. Я говорю, уйдем. Он тебе намылит шею за мое почтение.

Колумб (воинственно). А я заставлю его выпить воду с этим мылом, как в писании...

Тузят друг друга. Получив сильный удар в живот, погонщик садится на скамью.

Погонщик. Ох! Да он не поэт, он просто буйный. Или того хуже – разбойник с большой дороги.

Монах. Это у вас, сеньор, получается лучше, чем стихи.

Колумб. И ты захотел?

Хуана. Не связывайся с монахом, Кристо, не связывайся с ним!

Колумб. Стану я бояться монаха! Господь любит поэтов, они ему сродни: сказано же, что в начале было слово! А слово и есть поэзия.

Монах. Не всегда, сеньор поэт, не всегда. Вот и у вас...

Колумб. Я ведь могу и не посмотреть на рясу!

Чернобородый. Ого, да тут пахнет костром! Пожалуй, время поднять якорь: не люблю, когда несет гарью.

Хозяин (поворачивая вертел над очагом). Сейчас поспеет.

Чернобородый. Да нет, как бы не пришли другие повара!

Монах. Вы не верите мне, сеньор поэт; но, с вашего позволения, я покажу это знатокам, суждению которых вы поверите.

Колумб. Если они похвалят.

Монах выходит, унося стихи.

Чернобородый. Хозяин, получите-ка с меня.

Хозяин. А к чему вам уходить? Пусть лучше уходит сеньор драчун со своей девкой.

Хуана. Твоя жена девка. А он на мне скоро женится. Да, Кристо?

Хозяин. Ну конечно. Если только у него останется на свя-

ценника после того, как он заплатит за вино. (Вызывающе глядит на Колумба.) Что же вы умолкли, сеньор?

Чернобородый. Молчание – золото. Он копит его, чтобы заплатить вам.

Колумб. Золото! Золото! Вечно золото! Что же вы сидите тут, если оно вам так нужно? Я ведь сказал, где найти его!

Чернобородый (насторожившись). Приношу извинения дону: я, видно, пропустил мимо ушей...

Колумб. Как? А земли, о которых я говорил только что?

Чернобородый (погонщику). Он мог бы неплохо зарабатывать как прорицатель. Он поместил свои земли так далеко, что никто никогда не узнает, сбудутся ли его предсказания.

Погонщик. Я так и подумал, что он цыган. Значит, поэты – просто цыгане, вот оно что.

Чернобородый. Беда только в том, что я, например, объездил все страны, и нигде золото не валяется на земле. Везде его запирают на множество замков, да еще и приставляют сторожей. Таких земель нет.

Колумб. Есть, говорю вам! Мир вовсе не так тесен.

Чернобородый. И вы знаете, в какой стороне они лежат?

Колумб (решительно указывает). Там!

Чернобородый (указывая в противоположную сторону). А может, там?

Колумб. Там! Разве, слушая меня, вы не увидели, как колышутся пальмы на их берегах, как могучие реки вливаются в океан. Как блестит металл, которого всем вам так не хва-

тает?

Чернобородый. Как же они называются, ваши земли?

Колумб молчит.

Погонщик. Вот тут-то он и встал! Пожалуй, такой поклажи ему не поднять, тут нужен осел посильнее. Сразу оказалось, что таких стран нет: какое он ни назови название, сеньор моряк везде побывал и мог бы уличить его во лжи.

Хуана. Молчи, глупец. Неужели непонятно, что раз там никто еще не бывал, то страны эти никак не называются. Ну, что же ты молчишь, Кристо?

Колумб. Придумываю название. Всякие земли должны иметь название. И я вправе наречь их, как захочу.

Чернобородый. Раз уж вы так уверены, сеньор, то, может, скажете, сколько туда ходу при попутном ветре?

Колумб. Нужны хорошие корабли и смелые моряки.

Чернобородый. За смельчаками дело не станет, был бы корабль побыстрее. А то ведь опередят!

Колумб. Пускай плывет, кто хочет. Я поэт, а не мореплаватель. И если слагаю, к примеру, стихи о битвах, то вовсе не значит, что я должен тотчас же выхватить шпагу.

Хозяин. А когда слагаете о любви, ваша шпага тоже остается в ножнах!

Хуана. А вы еще помните о любви, сеньор?

Хозяин (уязвленный). Молчи, распутница! Твоему кав-

леру придется все-таки заплатить за вино. А то недолго позвать и альгвазила. У нас в Кастилии, хвала вседержителю, за долги сажают в тюрьму и держат до уплаты. Вот где ему хватит времени для стихов!

Колумб. Меня в тюрьму? Да где же видано, чтобы в тюрьму бросали поэтов? Чушь какая-то.

Погонщик. Вот теперь он станет брыкаться, пока не лопнет подпруга.

Колумб. Да и не за что вовсе. Я ведь не отказываюсь заплатить, только у меня нет при себе. Это бывает со многими из нас, и не так уж редко.

Входит монах в сопровождении должностных лиц: инквизитора, ассистента, секретаря и нескольких членов Святого братства.

Монах. Вот, сеньор поэт, ценители. Не обращайтесь внимания на их наряд: они судят об искусстве весьма здраво.

Чернобородый (в сторону). Не желал бы я, чтобы они заинтересовались мною. Ух, какой гарью потянуло, словно кошка прыгнула на уголья. Получите, хозяин. Мне пора.

Инквизитор. Оставайтесь на месте. Вам скажут, когда уйти.

Чернобородый. Хотел обрубить канат: якорь увяз. Но, видно, топор затупился; придется переждать шквал.

Погонщик. Пойти подбросить сена ослам...

Инквизитор. Сидеть! Господь не оставит ослов.

Погонщик. Помоги нам святой Себастьян!

Инквизитор. Кто тут именующий себя Кристобалем Колоном и пишущий стихи?

Хуана. Он не говорил ничего такого. Он добрый католик. А деньги он отдаст, уж мы заработаем.

Инквизитор. Уберите женщину. Так кто – Колон?

Колумб. Я.

Инквизитор. Освободите стол.

Хозяин поспешно убирает все лишнее. Ассистент, повинаясь жесту инквизитора, раскладывает орудия для допроса.

Хозяин, подбросьте-ка дров в очаг!

Колумб. Мне кажется, тут и без того жарко.

Инквизитор. Все познается в сравнении. Итак, признаете ли вы, что заслуживаете наказания?

Колумб. Я? Да ничего подобного. Вы все, право, спятили. Что я такого сделал? Я честный человек...

Инквизитор. Следовательно, вы обвиняете меня во лжи? Запишите, брат секретарь.

Секретарь. Во лжи?! (Старательно пишет.) Ай-ай-ай...

Колумб. Упаси боже! Вы меня не поняли. Никого я не обвиняю!

Инквизитор. Следовательно, признаете себя виновным.

Запишите: признал, что достоин наказания.

Секретарь (пишет). Достоин наказания. Еще бы!

Чернобородый. Так и вижу, как раскладывают костер.

Ассистент. Помолчите, или еще и не то увидите.

Колумб. Но послушайте, я так и не понял, в чем виноват.

Инквизитор. Неужели?

Колумб. Право же, нет.

Инквизитор. Поройтесь-ка в памяти, сеньор.

Колумб. Ну, роюсь.

Погонщик. Роемся, как свинья в грядке. Только комья летят.

Инквизитор. Нашли?

Колумб. Уж скорей я найду десять реалов в собственном кармане.

Инквизитор. Как? Вы хотите сказать, что не нашли в своей жизни ни одного прегрешения? Уж не утверждаете ли вы, что безгрешны и, следовательно, непогрешимы? Вот прямая ересь: один лишь святейший отец наш, папа, непогрешим. Запишите, брат: высказывал еретические мнения, хулил папу.

Секретарь (пишет). Хулил папу? Ой-ой-ой!

Колумб. Да клянусь всеми святыми...

Чернобородый. Будь святых в два раза больше, и то они его не спасли бы. Так и вижу, как несут огонь...

Инквизитор. Видите, стоило нам поговорить пять минут, и вы уже сознались в грехах столь тяжких, что костер

– воистину чересчур мягкое воздаяние за них. А между тем мы еще не приблизились к главному.

Хуана. Пресвятая мать божья! Неужто ты убил кого-нибудь?

Инквизитор. Оставь, женщина. Твое воображение слишком убого.

Хуана. Якшался с маврами и прочими? С нами крестная сила!

Инквизитор. Заткните кто-нибудь рот девчонке! А ты, Колон, теперь ответь правдиво и чистосердечно, как на исповеди: ты писал это?

Он показывает стихотворение. Колумб взглядывается.

Колумб. Если глаза меня не обманывают...

Инквизитор. Запишите, брат мой: сознался в том, что написанное принадлежит его руке.

Секретарь. Вот и сознался! (Пишет.)

Колумб. Чем же я согрешил? Стихи вовсе не так плохи.

Инквизитор. Согрешил, да еще как! Скажи: не написано ли здесь, что существуют земли, где золото и серебро лежат открыто, не принадлежа никому?

Колумб. Ну, я так писал. Мир вообще куда шире, чем мы полагаем. Это становится ясным, стоит лишь взглянуть на него по-новому. Не приходилось ли вам задуматься...

Инквизитор. Сказанного достаточно, не надо усугублять

своей вины оправданиями. Слушай далее: не явствует ли из написанного здесь, что тебе, Кристобалью Колону, известно, где находятся и располагаются означенные земли?

Колумб. Там сказано, что они лежат далеко. Однако же...

Инквизитор (жестом заставляя его замолчать). Следовательно, тебе известно, где они располагаются. Ибо никто, не зная, где расположено нечто, не станет утверждать, что оно находится далеко или, напротив, близко. Для того чтобы сказать, близко или далеко находится нечто, необходимо знать, где же именно оно находится, не так ли?

Колумб. Известная логика в этом есть. Ну и что? Конечно...

Инквизитор. Он сказал «конечно», так и запишите. Остальное записывать не следует, дорожа временем. Итак, поименованный Кристобаль Колон сознался как в том, что на свете существуют богатые золотом и серебром земли... Кстати, а нет ли там и драгоценных камней?

Колумб (на миг погрузившись в видения). Да конечно же есть!

Инквизитор. Вот как... Пишите, брат: как в том, что на свете существуют богатые золотом, серебром и драгоценными камнями земли, никем не занятые, так равно и в том, что ему, Колону, известно, где земли эти обретаются. Теперь слушай внимательно и отвечай откровенно и подробно: во-первых, от кого ты узнал об этих землях?

Колумб. Да ни от кого.

Инквизитор. Запирательство тебе обойдется дорого.

Колумб (выйдя из себя). Да я и не собираюсь запирать-ся! Я в самом деле ни от кого о них не слышал. Уж раз вы беретесь разговаривать с поэтом, то потрудитесь хоть самую малость понять в том, как и что он делает. Понять его язык!

Инквизитор. К чему, Колон? Разговор-то идет на нашем языке! Впрочем, продолжай.

Колумб. Это происходит неожиданно. Еще вчера, еще час назад человек и не собирался написать ничего подобного. И внезапно возникают слова. Возникает видение...

Инквизитор. Остановитесь. Если речь идет о видении, то ясно, что человек видел то, о чем говорит. Видел своими глазами. Вот и запишите, брат секретарь: не только знает, где упомянутые земли находятся, но и видел их собственными глазами, а не узнал о них от кого-либо другого. Это снимает с тебя, Колон, обвинение в запирательстве...

Хуана. Слава пресвятой богородице!

Инквизитор... Но лишь отягощает твое положение. Ответь же теперь и на второй вопрос: почему ты, зная и видев своими глазами земли, богатые золотом, серебром и драгоценными камнями и не принадлежащие никому (кроме тех, кто там живет, – что, право же, не может быть принято во внимание, когда речь идет о государственных интересах Кастилии и Леона), – как же ты до сих пор не только не доложил верноподданнически о существовании этих земель правителям нашим, их католическим величествам Фердинан-

ду и Изабелле? И мало того: о драгоценных камнях ты, Колон, вообще не написал ни слова! Не следует ли расценивать твои действия как противные и вредоносные по отношению к Объединенному королевству и направленные на подрыв могущества матери нашей – святой католической церкви?

Чернобородый. Сгорел, сгорел. От него остался лишь пепел.

Погонщик. Да и пепла так мало, что не хватит удобрить грядку с капустой.

Колумб. Да поймите же: это не донесение. Это стихи!

Инквизитор. Ты рассуждаешь странно, Колон. Не признался ли ты уже в том, что это написано твоей рукой?

Колумб. Да и сейчас не отказываюсь. Но я писал стихи, стихи!

Инквизитор. Какое же это имеет значение? Не хочешь ли ты сказать, что если бы эти же самые слова были написаны подряд и названы донесением, то они имели бы один смысл, если же они разделены на строки с равным количеством слогов и каждая из строк уснащена рифмой, то слова имеют другое значение? Если ты и в самом деле собираешься утверждать нечто подобное, то ты еретик, ибо из слов твоих можно, стало быть, сделать вывод, что и псалмы Давида, и Песнь песней Соломона означают что-то другое, кроме любви и почитания господина нашего. Нам жаль тебя, Колон, мы ведь так хорошо к тебе относимся! Подумай же, прежде чем окончательно погрязнуть в ереси!

Колумб (в отчаянии). Ну почему вы не хотите понять разницы? И при чем тут Соломон? Я не толкователь писания.

Инквизитор. Так почему же ты не донес обо всем, известном тебе?

Колумб в сердцах машет рукой и отворачивается.

Хуана. Да он если бы и захотел, все равно не смог бы: этот кабан, хозяин кабачка, нас не выпускал.

Чернобородый. У них не хватит дров на всех, клянусь всеми ветрами. И зачем только я поторопился заплатить? Вот уж промашка, так промашка. И ведь больше не закажешь: и без вина шатает, как на палубе в шторм.

Инквизитор. Что это значит, кабатчик?

Хозяин. Господь свидетель, у меня этого и в мыслях не было. Просто он не платил мне денег...

Секретарь. Не платил денег. Записать, ваше преподобие?

Инквизитор. К чему? Это может лишь вызвать жалость к нему. Ну, Колон, вина твоя установлена неоспоримо, и никакие оправдания не будут приняты во внимание. Можешь ли ты найти что-нибудь, что послужило бы к смягчению твоей участи? Не хочешь ли назвать кого-то, кто склонял и уговаривал тебя сознательно утаить известные тебе земли от правителей наших и святой церкви, дабы тем уменьшить их могущество? В таком случае основная часть вины пала бы на

этого человека – или людей, потому что их могло ведь быть и несколько, не правда ли?

Колумб молчит.

Погонщик. Да не будь дураком, скажи им что-нибудь. Не может быть, чтобы у тебя не нашлось пары-другой врагов или, на худой конец, приятелей.

Монах. Не смущайся, это все равно что на исповеди: покайся, и ощутишь облегчение.

Чернобородый. Сжечь тебя все равно сожгут, но в компании гореть будет веселее!

Колумб. Какой еще человек? Какие люди? По-вашему, я ворую мысли? Чушь. Вот спросите хотя бы ее.

Хуана. Он не врет, ваша милость. Все пришло ему в голову, только когда мы подошли к кабачку. Он схватил меня за руку...

Инквизитор (выведенный из терпения, берет со стола щипцы и схватывает ими руку Хуаны). Вот так?

Хуана. Ой!

Колумб порывается приблизиться к ней, но члены братства удерживают его. Мгновение царит тишина.

Инквизитор. Итак, слушай, Колон: ты утверждаешь, что являешься единственным, кто знает, где лежат эти земли?

Колумб. Если вдуматься...

Инквизитор. Так что ты один можешь указать путь туда?

Колумб. Чего проще. Если плыть на запад...

Инквизитор. Вот ты и поплывешь. Их величества, без сомнения, не откажутся предоставить тебе судно, людей и припасы, чтобы ты совершил плавание в известные тебе края и привез оттуда полные трюмы золота.

Колумб (ошеломленно). Вот так раз! В нормальную голову такое даже и прийти не сможет. Мне совершать плавание? Да я заболеваю морской болезнью от одного вида кораблей!

Инквизитор. Морская болезнь – всего лишь болезнь, от нее не умирают. Но как ты полагаешь, что приключится с человеком, если выяснится, что он отказался выполнить пропозицию их апостолических величеств – потому, например, что собирался разгласить известные ему сведения королю португальскому?

Колумб. Послушайте, это уж чересчур. Это уж... просто непорядочно, наконец: марать вашими подозрениями честного человека только потому, что он пишет стихи, – человека, у которого и в мыслях такого не было!

Инквизитор. Мы не всегда хорошо знаем, что творится в наших мыслях. Иногда человек и не подозревает, о чем на самом деле думает. Но если ему помочь в этом разобраться, подсказать, о чем он в действительности размышляет, то он очень скоро поймет – и сознается.

Колумб. Да черт меня побери – я хотел сказать, клянусь

святой троицей...

Инквизитор. Клясться запрещает Евангелие. Оно разрешает нам говорить лишь «да» или «нет», а что сверх того, то от лукавого. Вот и скажи: да или нет?

Колумб. Что – да или нет?

Инквизитор. Ты согласен?

Колумб. Плыть на поиски земель?

Инквизитор. Ты правильно понял.

Погонщик. Да соглашайся, глупец! Проживешь еще немного. И потом, тонуть все же приятнее, чем гореть.

Чернобородый. Как будто в море обязательно тонут! Я двадцать лет плаваю и здоровехонек! Соглашайся, бедняга, да постарайся набрать себе настоящих ребят, подлинных мореходов. Я тебе, так и быть, помогу: ты мне понравился, и вообще, характер у меня жалостливый.

Инквизитор. Господь не наградил меня долготерпением. Братья, вяжите его. Я вижу, он не хочет раскаяться.

Люди Святого братства хватают Колумба.

Колумб. Да погодите же! Все так неожиданно...

Хуана. Дайте ему подумать. Вы хотите, чтобы человек так, ни с того ни с сего, вдруг бросился очертя голову в воду. А ему надо, может быть, посоветоваться. Я-то его лучше знаю.

Колумб. Правда, Хуана. Что ты посоветуешь?

Хуана. Я тебе говорила – не надо связываться с монахом! А теперь ничего не поделаешь, Кристо, придется тебе согласиться, иначе они с тобой разделяются. Только не надо принимать это всерьез. Просто прокатаешься, и все. Не принимай всерьез, Кристо, не принимай всерьез!

Колумб. А ты поедешь со мной?

Хуана. На край света!

Колумб. Это дальше.

Хуана. И дальше тоже. А что будет за краем света? Новый свет?

Колумб. Он есть – если поэзия вообще чего-то стоит. (Инквизитору.) Я согласен.

Погонщик. Стронул воз все-таки. Ай да поэт! Ай да скотинка!

Инквизитор. Ты сделал правильный выбор, Колон.

Колумб. Теперь мы можем идти?

Чернобородый. Как бы не так! Тут только все и начнется! Я сам когда-то был вербовщиком, знаю эти дела.

Инквизитор. Идти ты можешь, но только с нами. Ты согласился; но ведь надо еще, чтобы согласие дали их величества. А у них, несомненно, будут условия.

Колумб. Какие еще условия? Мало вам того, что я готов ехать?

Инквизитор. Ты неглупый человек, Колон, да еще и с фантазией. Подумай же сам: могут ли их величества предоставить свой корабль первому попавшемуся?

Колумб (гордо). Я не первый попавшийся. Я поэт, и, говорят, неплохой.

Инквизитор. Это-то и плохо. Ты, Колон, должен быть солидным, уважаемым человеком: ведь ты поведешь экспедицию! Быть может, тебя даже пожалуют в адмиралы...

Колумб. Меня? Я поэт. К чему же мне быть еще кем-то? В адмиралы! (Смеется.) Славная шутка, честное слово!

Инквизитор. Подумай: мундир, содержание, почести, адмиральская каюта на корабле... Свой флаг...

Хуана. Ваша милость, да к чему ему мундир, если он после обеда все равно будет вытирать руки о штаны? Какой он адмирал, ведь за ним надо приглядывать, как за ребенком.

Инквизитор. Ты надоела мне, девка.

Колумб. Но это и в самом деле несерьезно. Адмирал! Я и в матросы-то не гожусь. Чушь, да и только.

Инквизитор. Сколь горестно наблюдать, как низко падает добронравие! Брат секретарь, а не похож ли смех над ожидаемой милостью их величеств – не похож ли он, говорю я, на оскорбление величества?

Секретарь. То есть как две капли воды, ваше преподобие!

Инквизитор. Даже более, чем похож. Этот смех – он и есть оскорбление. Но мало того. Власть дана королям от бога. Всякое деяние их величеств совершается с соизволения господня. Иными словами, господь бог наш вершит дела руками королей. И тот, кто смеялся здесь, – не смеялся ли он

над господом?

Секретарь. Святотатство!

Инквизитор. Слово сказано, брат секретарь! (Членам Святого братства) Ну, чего же вы ждете? Созрел виноград господень, пора срезать его!

Члены Братства вновь хватают Колумба.

Колумб (вырываясь). Да не было ничего такого! Ладно, пускай адмирал, если уж иначе нельзя. Пожалуйста! Мундир! Что хотите!

Инквизитор. С каким трудом постигают поэты истинную ценность явлений! Но пойдем дальше. Колон, вперед, правосудие не должно медлить! Скажи, может ли, по-твоему, король осыпать милостями человека, который – стыдно сказать – пишет стихи?

Колумб. Новое дело. Почему же? Многие порядочные люди пишут стихи.

Инквизитор. Они не адмиралы, Колон. А встречал ли ты хоть раз в жизни адмирала, что баловался бы стихами?

Колумб. Стихи – вовсе не баловство.

Инквизитор. Воспоминания для потомства – куда ни шло, но стихи... Итак, ты понял: отныне – никаких стихов!

Чернобородый. Чего тут раздумывать! Тебе дают корабль в обмен на стихи, которых ты даже и не написал еще, а ты кочевряжишься.

Погонщик. Могут ведь и запретить и ничего не дать. Считай, что ты не внакладе.

Хуана. Брось, Кристо, не соглашайся. Ты и со стихами приведешь их, куда надо.

Колумб. Да что ты, Хуана, мне и в голову не приходит. Вот ведь что придумали: бросить стихи. Бросьте-ка вы жечь людей! Можете?

Секретарь. Бунт! Наконец-то и бунт, ваше преподобие!

Инквизитор. Ты бунтовщик, Колон, явный бунтовщик. Ибо не является ли бунтом прямой и недвусмысленный отказ выполнить повеление их королевских величеств?

Чернобородый. Нет, без поживы они не уйдут. Вот ловцы, не чета рыбакам.

Колумб (сдаваясь). Погодите. Я согласен, на все согласен.

Инквизитор. В последний раз тебе удастся спасти голову. Но ее величество вряд ли согласится доверить столь важное дело человеку, запятнавшему себя сожительством вне уз брака с девицей сомнительной репутации. А в то же время больше доверить дело некому. Так что выход один...

Колумб (собрав всю решимость). Ну, тут королева мне не указ. Сама-то она...

Чернобородый. Тс-с! Нашел, о чем грустить. Станешь адмиралом, загребешь золота – такие ли у тебя будут! Да я тебе хоть завтра приведу, каких ты и в глаза не видал!

Погонщик. А все же, что ни говори, девчонка она славная.

Инквизитор. Я не расслышал твоего согласия. Колон?

Колумб (мрачно). Ладно, снявши голову, по волосам не плачут.

Хуана. Кристо, послушай, это не шутки больше...

Инквизитор. Если ты, девка, страшишься одиночества, я велю отдать тебя солдатам.

Чернобородый. Беги, красотка, поживее да подальше!

Колумб. Ничего, Хуана, все образуется. Открою им новые земли и вернусь.

Хуана. Я буду ждать тебя, Кристо! (Убегает.)

Инквизитор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.